

СОВРЕМЕННЫЙ МИР WORLD TODAY

DOI: 10.22363/2312-8127-2024-16-1-7-17

EDN: DWXOLC

Научная статья / Research article

Традиции магрибо-сахельской государственности и исламский радикализм в начале XXI в.

В.В. Орлов

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова,
125009, Российская Федерация, Москва, ул. Моховая, д. 11, стр. 1

✉ alsavlor@yandex.ru

Аннотация. Значимость данной темы обусловлена актуальностью проблем построения современного государства в общественной и политической жизни Северной и Западной Африки. Целью исследовательского проекта является анализ причин и последствий возникновения радикальных движений политического ислама в Магрибе и Сахеле на стыке XX и XXI вв. и их сопряжения с недостатками национальной государственности, присущими обоим африканским регионам. При этом автор фокусирует внимание на незавершенности процесса государственностроительства, слабости институтов и низком уровне обоснованности проведения государственных границ как на конкретных примерах таких недостатков, повлиявших на общественно-политический климат в исламизированных районах, прилегающих к Сахаре. Опираясь на материалы источников и теоретическую модель комплексов региональной безопасности (КРБ), автор выявил противоречия и разнообразие в идейных и ценностных воззрениях североафриканских правящих кругов, проанализировал методологические и духовно-политические основы глубинной взаимосвязи между криминальными и исламистскими группировками на примере деятельности «Аль-Ка‘иды в странах исламского Магриба» (АКИМ) (признана террористической организацией и запрещена в РФ) и ее лидеров — Абд аль-Малика Друкделя, Мухтара Бельмухтара и др. Доказано, что «исламистский интернационализм» в Магрибе и Сахеле 2000-х гг. начал обретать этнокультурно обусловленные формы, что было обусловлено сетевым и зонтичным характером структуры АКИМ (признана террористической организацией и запрещена в РФ), в которой не сложилось централизованной административно-территориальной схемы управления. Кроме того, показаны отличительные черты политики безопасности современного Алжира и выявлена важность изучения межрегиональных противоречий для характеристики геополитических и экономических причин усиления исламского радикализма в Африке.

© Орлов В.В., 2024

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License
<https://creativecommons.org/licenses/by-nc/4.0/legalcode>

Ключевые слова: региональное сотрудничество, государственность, Северная Африка, Сахель

История статьи: Поступила в редакцию: 31.07.2023. Принята к публикации: 10.10.2023.

Для цитирования: Орлов В.В. Традиции магрибо-сахельской государственности и исламский радикализм в начале XXI в. // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Всеобщая история. 2024. Т. 16. № 1. С. 7–17. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-7-17>

Traditions of maghrebi-saheli statehood and islamic radicalism in Early XXI Century

V.V. Orlov

Lomonosov State University,
11/1 Mokhovaya St, Moscow, 125009, Russian Federation

✉ alsavlor@yandex.ru

Abstract. The significance of this research topic is due to the relevance of the problems of modern state-building in the public and political life of North and West Africa. The purpose of the research project is to analyze the causes and consequences of the emergence of radical movements of political Islam in the Maghreb and Sahel at the junction of the XX and XXI centuries and their connection with the shortcomings of national statehood inherent in both African regions. At the same time, the author focuses on the incompleteness of the state-building process, the weakness of institutions and the low level of justification for drawing state borders as concrete examples of such shortcomings that affected the socio-political climate in the Islamized areas adjacent to the Sahara. Based on the materials of sources and the theoretical model of regional security complexes (RSC), the author identified contradictions and diversity in the ideological and value views of the North African ruling circles, analyzed the methodological and spiritual and political foundations of the deeply rooted relationship between criminal and Islamist groups on the example of the activities of Al-Qaeda in the Islamic Maghreb (AQIM) (an organization included in the list of terrorist organizations in the Russian Federation is mentioned) and its leaders — Abd al-Malik Drukdel, Mukhtar Belmukhtar, etc. It is proved that “Islamist internationalism” in the Maghreb and Sahel of the 2000s began to take ethnocultural forms, which was caused by the ‘network’ and ‘umbrella’ nature of the AQIM (an organization included in the list of terrorist organizations in the Russian Federation is mentioned) structure, in which there was no centralized administrative-territorial management scheme. In addition, the distinctive features of the security policy of modern Algeria are shown and the importance of studying interregional contradictions for characterizing the geopolitical and economic reasons for the strengthening of Islamic radicalism in Africa is revealed.

Keywords: regional cooperation, statehood, North Africa, Sahel

Article history: Received: 31.07.2023. Accepted: 10.10.2023.

For citation: Orlov V.V. Traditions of Maghrebi-Saheli Statehood and Islamic Radicalism in Early XXI Century. *RUDN Journal of World History*. 2024;16(1):7–17. <https://doi.org/10.22363/2312-8127-2024-16-1-7-17>

Введение

На протяжении первых десятилетий XXI в. регионы Магриба и Сахеля — огромные и крайне неравномерно заселенные территории, простирающиеся от средиземноморского побережья Африки до южных границ Сахары — неоднократно выступили в качестве театра военных действий и вооруженных конфликтов между местными государствами и исламистскими группами, а также транснациональными криминальными структурами. Научное сообщество историков, политологов, исламоведов сформировало устойчивое мнение о том, что магрибо-сахельский регион в начале XXI в. стал важным центром глобальной террористической деятельности, а примыкающие к Сахаре районы постоянно используются для вербовки, финансирования и тренировок профессиональных боевиков, действующих как в самих Магрибе и Сахеле, так и за пределами Африканского континента [1. С. 39–45; 2. С. 164–165]. В распространенной теоретической модели комплексов региональной безопасности (КРБ)¹ страны сахельского пояса (Мавритания, Мали, Сенегал, Буркина-Фасо, Нигерия, Нигер, Чад, Центральноафриканская Республика, Судан, Южный Судан, Эритрея) принято рассматривать как граничные изолирующие зоны. Государства в подобных зонах (инсуляторах) не только не входят в исторически сложившиеся межстрановые комплексы, но и не способны, как правило, самостоятельно преодолеть внутрирегиональные противоречия [3. С. 224–229]. В то же время любые негативные общественно-политические тенденции, бурно развивающиеся в Сахеле XXI в. (сепаратизм, вспышки вооруженного насилия, этнические, религиозные или гражданские конфликты), как правило, быстро и легко перебрасываются на соседние территории.

Магрибинская и сахельская государственность в контексте проблем национального строительства

Этим положением дел региональное сообщество во многом обязано специфическим чертам, присущим государственному строительству на Северо-Западе Африканского континента. Современное состояние государственного устройства стран Сахеля и Магриба является результатом навязывания и усвоения колониальных порядков. Тем не менее, привычная для Европы модель государства-нации лишь в малой степени может быть соотнесена с длительным историко-культурным контекстом присахарских

---

¹ Основой геополитической теории КРБ, предложенной в 90-х гг. XX в. Б. Бьюзенем и О. Вэйвером, является утверждение о построении схемы безопасности в общемировом масштабе из своего рода блоков — комплексов региональной безопасности, предопределяющих ее динамику в отдельных, наиболее чувствительных регионах. Влияние, оказываемое отдельными КРБ на системный (глобальный) уровень безопасности, обусловлено тем, что миграция лиц и факторов, угрожающих безопасности, чаще всего происходит в пределах одного региона или группы граничащих между собой регионов.

территорий [4. С. 25–27]. В Алжире, Марокко или Тунисе национальные концепции и идеи зародились на местной почве в середине XIX в. и были сравнительно развиты уже в межвоенный период. Их носители имели широкий круг возможностей для их выражения перед населением и партийно-политического представительства перед колониальными властями [5; 6]. В странах же сахельского пояса и в постколониальную эпоху так и не сложились более или менее полноценные варианты национальных общностей, члены которых повсеместно разделяли бы сходные нравственные и социальные ценности (то есть ощущали бы национальную идентичность) и одновременно обладали формой политической организации — национальным государством.

Осмысление государственности как маркера национальной идентичности в современном афро-азиатском мире уже давно служит фундаментом для многопрофильной научной, идеологической и политической дискуссии. Мы разделяем скептический подход, высказанный Д.М. Бондаренко в отношении суверенитета и уровня модернизации государства как маркеров складывания под его эгидой национальной общности. В подобной схеме рассуждений форме государства осознанно или неосознанно приписываются фантастические способности демиурга, единолично определяющего содержание общественной жизни. Нация же как особый тип общественной организации предстает здесь не более, чем в виде производного от формы государства — к тому же только в правовом, но не в содержательном аспекте [7. С. 14–15]. В то же время национальное государство реально. Оно принадлежит к сфере политической и правовой действительности, тогда как любой вид коллективной (в том числе и национальной) идентичности может существовать только в массовом или даже в элитарном сознании. В силу этих обстоятельств идентичность неизбежно становится не более чем аренной идеологического конструирования, как показал в своей известной работе Б. Андерсон [8].

Диалектическая связь государственности и национального строительства проявила себя в магрибо-сахельском регионе и с другой стороны. Феномен принадлежности к нации неизбежно заставляет индивидуума или группу определить для себя возможные пределы своей специфичности, будь то ментальные, международно-правовые, структурно-общественные, культурно-ценностные, или собственно географические [9. С. 393–394]. Однако в большинстве случаев государственное строительство в Северо-Западной и Западной Африке не сопровождалось проведением отчетливо мотивированных, исторически обоснованных и утвержденных в массовом сознании границ. Традиции клановой и племенной лояльности; формальное и инструменталистское заимствование европейских государственных институтов и административных порядков [10. С. 9]; непрерывная внутриэлитарная борьба за финансовые, природные ресурсы — все эти обстоятельства сочетались с отсутствием в регионе Сахеля примеров успешного построения национальной государственности до начала процессов деколонизации в середине

XX в. [11. С. 9–10]². В результате на северных окраинах Сахары вплоть до настоящего времени политические границы проводились волевым порядком и далеко не всегда совпадали с реальными зонами расселения этнических, религиозных или племенных коллективов. Это не позволяет считать пограничные столкновения регулярных войск в Сахеле международными конфликтами (в общепринятом понимании термина) или ясно разграничивать международные и гражданские вооруженные столкновения [4. С. 30–31].

Искусственный характер государственных границ, турбулентность развития стран Сахеля и легкость интернационализации их внутренних раздоров дополнялись у магрибинских и сахельских лидеров особой субкультурой политического поведения. В их картине мира были вполне нормативны и ожидаемы высокий уровень конфликтности в отношениях с соседними странами, необходимость быть начеку и подспудное ощущение военной угрозы. Такая фронтальная психология порождала в правящих кругах Магриба и Сахеля тенденцию к авантюрным военно-политическим кампаниям. К тому же среди лидеров Сахеля и ряда стран Магриба в начале XXI в. был широко распространен личный военный опыт и профессиональное военное образование [12. С. 42]. Их боевое прошлое воспитало в них привычку к быстрой мобилизации, а также тягу к силовым методам в противостоянии оппонентам.

До и после «Арабской весны»: гибридные вызовы региональной стабильности

Специфические качества сахельских лидеров немедленно востребовались в атмосфере «Арабской весны», когда неконтролируемый статус Присахарья и усиление нестабильности стран Магриба взаимно и перекрестно спроецировали угрозу устойчивому развитию обоих регионов. Неудивительно, что на протяжении 2010-х гг. общая обстановка в сахаро-сахельской зоне вызывала намного бóльшую озабоченность в ЕС и США, нежели развитие политической ситуации в отдельных ее странах [13. С. 102, 117].

На магрибинском и сахельском материале начала XXI в. отчетливо заметен гибридный характер угроз миру и стабильности, происходящих из этого макрорегиона. Вызовы местной государственности бросали, как правило, вооруженные группировки, сформированные в ходе сближения или слияния экстремистских религиозно-политических структур и преступных сообществ, имеющих сетевую организацию. Джихадисты Магриба и Сахеля умело использовали гражданскую войну и экономический кризис 90-х гг. XX в.

² Ситуация с ранним этапом нацистроительства в Магрибе сложилась не столь однозначно, как в странах Сахеля — в особенности это предположение можно отнести к Марокко и Тунису. Но и в этих странах политические и идеологические задачи по формированию полноценной структуры нации также входили в повестку дня первых правительств (60–70-е гг. XX в.) после их освобождения от колониального контроля Франции.

в Алжире, введение санкций ООН против Ливии, дезорганизацию пограничного и таможенного контроля в странах Западной Африки, а также высокую сложность рельефа и пестроту климатических условий Присахарья. В результате труднодоступные и слабо контролируемые правительствами пограничные провинции дали религиозным радикалам удобную арену для участия в местном нелегальном бизнесе. В наибольшей степени этот феномен относится к контрабандной торговле растительными наркотиками (гашиш, кокаин), но также к перепродаже сигарет и других разрешенных товаров.

Мы можем отметить расцвет нелегальной перевозки и перепродажи похищенного вооружения и боеприпасов на старинных трассах транссахарской торговли после обострения конфликта Фронта национального освобождения (ФНО) с исламистами и начала боевых действий в Алжире (1992 г.). Впоследствии из среды пустынных контрабандистов выдвинулось немало полевых командиров магрибо-сахельского джихада. Убедительным примером «карьеры» магрибинцев в Сахеле служит личная история Мухтара Бельмухтара (1972–2016?) — одного из основателей и планировщиков террористических акций «Аль-Ка‘иды в странах исламского Магриба»^{*3} (АКИМ*).

Это военизированное исламистское сообщество заявило о себе в Алжире незадолго до окончания гражданской войны 1992–1999 гг. Оно было сформировано в основном из алжирских ветеранов Вооруженной исламской группы (ВИГ), обладавших солидным опытом войны в Афганистане. На излете трагических событий войны часть полевых командиров ВИГ во главе с Хасаном аль-Хаттабом основала «Салафитскую группу проповеди и борьбы»* (СГПБ*). Алжирской армии и спецслужбам удалось вытеснить ее отряды из густонаселенных приморских районов страны в 2002–2003 гг., вследствие чего боевики СГПБ* укрылись в полупустынных провинциях на юге Алжира, востоке Мавритании, севере Нигера и Малию. В 2006 г. алжирский «национальный эмир» СГПБ* Абд аль-Малик Друкдель (1970–2020) вступил в контакт с центральным руководством «Аль-Ка‘иды»* во главе с Айманом аз-Завахири (1951–2022) и заявил о коллективной присяге СГПБ* этой террористической организации. В январе 2007 г. структура взяла название АКИМ* [14. С. 150–151]. Эта смена названия обозначила и перемены в стратегии магрибинских радикалов, включивших свои сахельские «предприятия» в межрегиональную схему криминальных действий «Аль-Ка‘иды»* как ведущей на тот момент организующей силы международного терроризма [15. С. 8; 16].

М. Бельмухтар начинал свою деятельность как оптовый торговец-контрабандист провинциального масштаба. Еще до того, как он вступил в ряды местных джихадистов, он успел наладить сравнительно широкую сеть контактов в сахельских бизнес-кругах и силовых структурах.

³ Знаком * обозначены организации, признанные террористическими и запрещенные на территории РФ.

В начале 2000-х гг. ему удалось составить немалое состояние на торговле сигаретами. На этом подпольном транссахарском рынке с оборотом в сотни миллионов долларов он получил заслуженное прозвище «Мистер Мальборо» [17]. Однако в 2004–2006 гг. его бизнес переориентировался на вербовку и переправку магрибинских боевиков в Ирак, Палестину и Афганистан. Затем он содействовал А. Друкделю в идейно-политическом объединении исламистских группировок Северной и Западной Африки. Под его руководством АКИМ*⁴ нашла новые и сравнительно надежные убежища в полупустынях Сахеля и начала обучать военному делу джихадистов из соседних стран и Европы.

Усилиями М. Бельмухтара и его окружения ответвления АКИМ* в 2006–2010 гг. переплелись с криминальными сетями на окраинах Сахары. Боевики АКИМ* выстроили сети незаконного оборота огнестрельного оружия и наркотиков, организовали подделку денежных знаков и неоднократно были замечены в похищениях с целью получения выкупа [18. С. 2; 19. С. 18]. Параллельно масштабировалась внешнеэкономическая деятельность исламистского подполья: в конце 2000-х гг. латиноамериканские наркокартели освоили магрибо-сахельский регион в качестве площадки для переброски кокаина в Европу и Юго-Западную Азию. По многочисленным сведениям арабских и западных спецслужб, в 2012–2013 гг. АКИМ* вышла на новый уровень «международного сотрудничества» и заключила соглашение с латиноамериканскими преступными структурами по известной с середины XX в. схеме — бартер наркотиков на оружие [20. С. 5]. Это обстоятельство полностью подтвердило прогнозы российских экспертов о неминуемом сдвиге финансирования магрибо-сахельских радикальных исламистов в сторону дальнейшей их кооперации с международным криминалитетом [21. С. 373].

Во второй половине 2010-х и начале 2020-х гг. Западная Африка столкнулась с фактическим разрушением и без того неравномерного и ограниченного государственного контроля над пространствами Сахары. Крах режима М. Каддафи в Ливии, развертывание гражданской войны в этой стране и вспышка внутренних конфликтов в Мали превратили Сахель в зону повсеместного господства организованной преступности [22. С. 645]. В этих обстоятельствах лидеры АКИМ*, не отказываясь от своей первоначальной алжирской идентичности, освоили логистику и организацию террора уже в супрарегиональном масштабе [23. С. 3]. Агентура Друкделя и Бельмухтара занялась вербовкой в Нигере, Мали и Западной Сахаре добровольцев для участия в джихаде в Ираке (а впоследствии также в Ливане и Сирии) и наладила широкомасштабное присутствие АКИМ* в киберпространстве.

⁴ Знаком * обозначены организации, признанные террористическими и запрещенные на территории РФ.

Кроме того, создание магрибинского филиала «Аль-Ка‘иды»⁵ облегчило для исламистов Машрика доступ на территорию Европейского союза и проведение терактов в водах Гибралтарского пролива или на его берегах. Современные исламо-экстремистские группы Африки склонны воспринимать местные правящие элиты в качестве второстепенных и непринципиальных «ближних неприятелей», используя термин, изобретенный в 50-х гг. XX в. теоретиком египетских «Братьев-мусульман»* Сайидом Кутбом (1906–1966) [24. С. 121–122]⁶. С учетом того, что лидер глобальной «Аль-Ка‘иды»* А. аз-Завахири был учеником и последователем С. Кутба [25. С. 138], сахельские и магрибинские джихадисты проецировали эту идеологическую категорию на свой регион. Они рассматривали территории своих стран как своего рода трамплин для повторения средневекового опыта арабских завоеваний или тыловую базу для своего будущего насильственного «успеха» в «христианских» (или, в их терминологии, «безбожных») обществах Западной Европы.

«Сахельский бумеранг» в Магрибе

Как видно из изложенного, присахарские провинции сахельских государств в 2010-х гг. выступили «двигателем» общей радикализации среди мусульманских структур региона. Однако те же тенденции развития присахарской зоны, вызванные к жизни деятельностью алжирских радикалов, вскоре спроецировались на Магриб. В первые годы после «Арабской весны» даже самые устойчивые в военном и финансовом плане государства Северной Африки подвергались натиску джихадистов. Это видно из динамики террористической деятельности в Алжире. 16 января 2013 г. небольшая (не более 30–35 боевиков) исламистская группа «Аль-мувакки‘ун би-д-дамм» (Подписавшиеся кровью) под руководством Мухтара Бельмухтара⁷ разгромила центральное производство газодобывающего комплекса Тигантурин около города Ин Аменас, расположенного на юго-востоке Алжира близ границы с Ливией. Тактический прорыв террористов, как можно предположить, был обусловлен их высокой ситуационной осведомленностью за счет альянса с сахельскими «коллегами» — главным образом, группировками «Ансар ад-дин» и «Харакат ат-таухид ва-ль-джихад фи-ль-ифрикийя аль-гарбийя» (Движение за единобожие и джихад в Западной Африке, ДЕДЗА).

⁵ Знаком * обозначены организации, признанные террористическими и запрещенные на территории РФ.

⁶ С. Кутб риторически называл так Израиль, подчеркивая то, что сила «врагов веры» состояла не столько в существовании еврейского государства, сколько в «дальнем неприятеле», то есть в слабости веры и греховности, присущим самим мусульманам.

⁷ Эта структура, иногда также называемая «Аль-мулассимун» (Сокрывшие лица), возникла в декабре 2012 г. в результате конфликта между Мухтаром Бельмухтаром и лидером центрального аппарата АКИМ* Абд аль-Маликом Друкделем.

Поскольку месторождение Ин Аменас совместно эксплуатировалось алжирской компанией СОНАТРАК, британской «Бритиш Петролеум» и норвежской «Статойл», боевикам Бельмухтара удалось взять в заложники 700 алжирцев и 134 иностранца. Ключевым требованием экстремистов был вывод французских войск, введенных за несколько дней до этого в Мали, и освобождение исламистских боевиков, находившихся в заключении в Алжире, Мали и других странах региона. В итоге контртеррористической операции 17–19 января 2013 г. было освобождено 685 алжирцев и 101 иностранец. Остальные заложники погибли в ходе массированного штурма комплекса армейским спецназом АНДР при поддержке штурмовой авиации [26. С. 9].

Буквально через десять дней после нападения на Ин Аменас новой мишенью вооруженных исламистских группировок стал крупный магистральный газопровод «Буира», соединенный с главным месторождением природного газа АНДР Хасси-Рмель и подающий газ к ключевым газопроводам Магриб–Европа и терминалам сжижения газа на средиземноморском побережье. Систематические нападки магрибо-сахельских экстремистов на крупнейшие месторождения и распределительные центры алжирской газовой промышленности выявили серьезные сбои в обеспечении безопасности на территории страны — в частности в центральных и южных регионах Присахарья, которые являются стовым хребтом алжирской экономики [26. С. 6].

Эскалация, предпринятая исламскими радикалами Африки в 2010-х гг., заставила правящие круги стран Магриба обратиться к политике ограниченного контроля над северными окраинами Сахары. Они даже периодически проводили вмешательство во внутрисахельские конфликты, стремясь, таким образом, упредить новые джихадистские вызовы. Подобная тактика не нова. Она лежала в основе активного участия ливийских вооруженных сил в гражданской войне в Чаде в 80-х гг. XX в. [27. С. 151]. Но на фоне непрерывных террористических вылазок и восстаний туарегов в Мали (2012–2013 гг.) проактивный подход к Сахелю получил в Магрибе второе рождение. Им воспользовались правящие элиты Мавритании и Марокко, а особенно Алжира, который после смены власти и начала президентства Абд аль-Маджида Теббуна (2019 г.) активно пытается восстановить свое положение ключевого государства в Магрибе и одного из африканских лидеров [28. С. 80].

Заключение

События начала XXI в. и особенно бурные перипетии «Арабской весны» продемонстрировали отрицательную динамику военной и политической состоятельности сахельских правящих элит при сохранении административного и силового потенциала правящих кругов Магриба (за исключением Ливии). Разрозненность и незавершенность процессов национального строительства в Сахеле, расово-этническое разнообразие, преобладание племенной

ментальности и слабость государственных институтов предоставили криминально-исламистским структурам этого региона широкое поле для их деятельности и втянули страны Магриба в пучину сахельского кризиса.

Вместе с тем подрывные способности главного оппонента магрибинских властей в сахаро-сахельском поясе — «Аль-Ка'иды исламского Магриба»^{*8} — не стоит преувеличивать. Этот криминально-экстремистский альянс, сложившийся незадолго до «Арабской весны», носил и продолжает носить характер сетевой франшизы, вручая свое имя для использования мелким и средним «вассальным» группировкам. В своей сущности АКИМ* остается вполне фантомной структурой, поскольку в ней за эти годы не сложилось авторитетного руководящего центра. Это обстоятельство постоянно приводит ко внутренним напряжениям и конфликтам между составляющими ее исламистскими отрядами. Проведенное исследование убеждает в том, что главенство «Аль-Ка'иды»* в исламо-экстремистской среде Магриба и Сахеля столь же хрупко и нестабильно, как и возникающие в 2010-х гг. антитеррористические союзы между государствами этих регионов.

Библиографический список

1. *Guidère M.* Al-Qaïda* à la conquête du Maghreb. Le terrorisme aux portes de l'Europe. Monaco: Éditions du Rocher, 2007. 279 p.
2. *Малышева Д.Б.* Радикальный исламизм в Африке // Ученые записки Центра арабских и исламских исследований / отв. ред. А.И. Яковлев. М.: ИВ РАН, 2015. С. 160–167.
3. *Buzan B., Waever O.* Regions and Powers: the Structure of International Security. Cambridge: Cambridge University Press, 2003. 564 p.
4. *Herbst J.* States and Power in Africa: Comparative Lessons in Authority and Control. Princeton: Princeton University Press, 2014. 312 p.
5. *Аль-Фаси Аллаль.* Аль-Харакат аль-истиклялийа фи-ль-Магриб аль-араби (Движения за независимость в арабском Магрибе). Танжер: Абд ас-Салам Гессус, 1956. 475 с.
6. *Ardıç N.* Islam and the Politics of Secularism. The Caliphate and Middle Eastern Modernization in the Early 20th Century. L. — N.Y.: Routledge, 2012. 390 p.
7. *Бондаренко Д.М.* Постколониальные нации в историко-культурном контексте. М.: Издательский дом ЯСК, 2022. 400 с.
8. *Андерсон Б.* Воображаемые сообщества. Размышления об истоках и распространении национализма / пер. с англ. В.Г. Николаева. М.: Кучково поле, 2001. 286 с.
9. *Alonso A.M.* The Politics of Space, Time and Substance: State Formation, Nationalism and Ethnicity // *Annual Review of Anthropology*. 1994. Vol. 23. P. 379–405.
10. *Ayubi N.* Over-Stating the Arab State: Politics and Society in the Middle East. L.: I.B. Tauris, 1996. 514 p.
11. *Young C.* The African Colonial State in Comparative Perspective. New Haven: Yale University Press, 1997. 368 p.
12. *Никитин М.Э.* Военный опыт государственных лидеров и конфликтный потенциал авторитарных режимов (на примере Африки) // *Полития. Анализ. Хроника. Прогноз*. 2023. № 2 (109). С. 37–54. <https://doi.org/10.30570/2078-5089-2023-109-2-37-54>

⁸ Знаком * обозначены организации, признанные террористическими и запрещенные на территории РФ.

13. Кузнецов В.А. Безопасность государств Северной Африки в условиях политической трансформации // Конфликты и войны XXI века (Ближний Восток и Северная Африка) / отв. ред. В.В. Наумкин, Д.Б. Малышева. М.: ИВ РАН, 2015. С. 102–129.
14. Долгов Б.В. Феномен «Арабской весны» 2011–2016 гг.: Причины, развитие, перспективы. Тунис, Египет, Ливия, Сирия, Алжир / отв. ред. И.Д. Звягельская. М.: ЛЕНАНД, 2017. 200 с.
15. Reeve R., Pelter Z. From New Frontier to New Normal: Counter-Terrorism Operations in the Sahel-Sahara. London: Oxford Research Group, 2014. 29 p.
16. Васильев А.М., Жерлицына Н.А. Эволюция Аль-Каиды*⁹: между региональными конфликтами и глобалистской перспективой // Восток. Афро-азиатские общества: история и современность. 2022. № 1. С. 141–151. <https://doi.org/10.31857/S086919080015708-5>
17. Laub Z., Masters J. Al-Qaeda* in the Islamic Maghreb. 27 March 2015 // Council of Foreign Relations (CFR). Analytical Portal. Режим доступа: <https://www.cfr.org/backgrounder/al-qaeda-islamic-maghreb> Дата обращения: 24.08.2023.
18. Mohamedou M.-M.O. The Many Faces of Al Qaeda* in the Islamic Maghreb. GCSP Policy Paper № 15. Geneva: Geneva Centre for Security Policy, 2011. 6 p.
19. Sour L. Analyzing the Algerian Approach in the Sahelian Crisis from the Point of View of the Copenhagen School // Political Science & International Relations. București, 2016. Vol. XIII. № 1 P. 11–27.
20. Alexander Y. Terrorism in North Africa and the Sahel in 2012: Global Reach and Implication. N.Y.: Inter-University Centre for Terrorism Studies, 2013. 31 p.
21. Наумкин В.В. Алжирский транзит в зоне Магриба–Сахеля: взгляд через призму теорий символической политики и социального движения // Ближний Восток в мировой политике и культуре: избранные статьи, лекции и доклады 2009–2011 гг. М.: Институт востоковедения РАН, 2011. С. 352–375.
22. Кузнецов В.А., Василенко А.И. Магриб — 2021: тупики внутривосточного развития и угрозы региональной подсистеме отношений // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия Международные отношения. 2021. Т. 21. № 4. С. 642–654. <https://doi.org/10.22363/2313-0660-2021-21-4-642-654>
23. Attour L.A. Regional Security Cooperation in the Maghreb and Sahel: Algeria's Pivotal Ambivalence // Africa Security Brief: A Publication of the Africa Center for Strategic Studies. 2012. № 18. 8 p.
24. Трофимов Д.А. Исламский фундаментализм в арабских странах: истоки и реалии // Восток (Oriens). 1992. № 1. С. 112–126.
25. Хайруллин Т.Р. Современный исламизм в арабском мире / отв. ред. А.М. Васильев. М.: ЛЕНАНД, 2022. 224 с.
26. Attour L.A. Algeria's Role in the Sahelian Security Crisis // Stability: International Journal of Security & Development. 2013. Vol. 2. № 2. Art. 28. P. 1–11.
27. Azevedo M.J. The Roots of Violence: A History of War in Chad. L. — N.Y.: Routledge, 2005. 202 p.
28. Кузнецов В.А., Наумкин В.В. Глобальные и региональные тренды «Столетия+» на Ближнем Востоке: новое прочтение // Вестник Московского университета. Серия 25: Международные отношения и мировая политика. 2023. № 1. С. 70–92. <https://doi.org/10.48015/2076-7404-2023-15-1-70-92>

Информация об авторе:

Орлов Владимир Викторович — доктор исторических наук, профессор кафедры истории стран Ближнего и Среднего Востока, Институт стран Азии и Африки, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, e-mail: alsavlор@yandex.ru ORCID: 0000-0002-2649-5422 ELibrary SPIN-код: 6318–4102

⁹ Знаком * обозначены организации, признанные террористическими и запрещенные на территории РФ.